

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

**П. П. Марченя,
С. Ю. Разин**

Международный круглый стол
«Крестьянство и власть в истории
России XX века»:
1-я часть

Электронный ресурс

URL: <http://www.civisbook.ru/files/File/Kr-vo-vlast-1.pdf>

URL: <http://www.civisbook.ru>

Конференции

Павел МАРЧЕНЯ, Сергей РАЗИН

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КРУГЛЫЙ СТОЛ «КРЕСТЬЯНСТВО И ВЛАСТЬ В ИСТОРИИ РОССИИ XX ВЕКА» 1-я часть

Международный круглый стол посвящен междисциплинарному научному анализу различных аспектов проблемы взаимодействия крестьянства и власти как наиболее значимых агентов исторического развития России в XX в. «Крестьянский вопрос» рассматривался как основополагающая проблема руссиеведения, в которой сосредоточены все главные конфликты российской истории.

The International Roundtable Discussions are dedicated to the interdisciplinary scientific analysis of various aspects of problem of the interaction of peasantry and authority as the most significant agents of the historical development of Russia in the 20th century. The «peasant problem» was considered as an essential problem of the Russian studies, in which all of the main conflicts of Russian history are concentrated.

Ключевые слова:

крестьянство, власть, крестьянский вопрос, крестьянская община, крестьянское сознание, революция, коллективизация, история России, руссиеведение; peasantry, authority, peasant problem, peasant commune, peasant consciousness, revolution, collectivization, history of Russia, Russian studies.

МАРЧЕНЯ

Павел

Петрович –

к.и.н., доцент

Московского

университета МВД

России; доцент

РГГУ; автор/

соавтор и редактор

научного проекта

«Народ и власть:

История России

и ее фальсификации»

marchenyar@mail.ru

РАЗИН

Сергей

Юрьевич –

доцент Института

гуманитарного

образования

и информационных

технологий;

автор/соавтор

и координатор

научного проекта

«Народ и власть:

история России

и ее фальсификации»

razin_sergei@mail.ru

В рамках научного проекта «Народ и власть: история России и ее фальсификации»¹ по инициативе главного редактора общенационального научно-политического журнала «Власть» А.О. Лапшина и авторов этого проекта П.П. Марчени и С.Ю. Разина в Институте социологии РАН состоялся Международный круглый стол «Крестьянство и власть в истории России XX века». Он стал вторым международным мероприятием названного проекта, продолжив развитие дискуссий, начатых 23 октября 2009 г. на круглом столе «Народ и власть в российской смуте». Прошлый круглый стол был посвящен проблеме взаимодействия власти и народа в ситуациях «смут» как периодически повторяющихся системных кризисов российского государства и общества² и имел заметный резонанс в научном сообществе. Новый круглый стол, в свою очередь, было решено посвятить проблеме взаимодействия крестьянства и власти как наиболее значимых агентов исторического развития России в беспрецедентно богатом на общественные потрясения прошлом веке. «Крестьянский вопрос» рассматривался как узловая проблема руссиеведения, в которой сосредоточены ключевые конфликты российской истории. Ведущим круглого стола выступил известный российско-белорусский ученый-крестьяновед, историк и политолог О.Г. Буховец. Основными проблемными направлениями дискуссий, в которых участвовали 43 ученых из 3 государств (Россия, Беларусь, Украина), стали следующие темы:

1) «Крестьянский вопрос»: смысл и значение в истории России и человечества;

¹ См.: <http://www.google.com/profiles/narodivlast>.

² Булдаков В.П., Марченя П.П., Разин С.Ю. Международный круглый стол «Народ и власть в российской смуте» // *Власть*, 2010, № 4, с. 14–17; № 5, с. 10–14; № 6, с. 13–17; № 7, с. 9–14; № 8, с. 9–13; № 9, с. 16–21. См. также: Народ и власть в российской смуте / под ред. П.П. Марчени, С.Ю. Разина. — М., 2010; Научный проект «Народ и власть: История России и ее фальсификации». Вып. 1 // <http://www.isras.ru/publ.html?id=1930>

2) XX век в истории России: «раскрестьянивание» или «окрестьянивание» страны;

3) «Великий незнакомец» и публичная политика в России: мифы и реальность;

4) Русское крестьянство: «могилищик» империи или ее цивилизационный фундамент?

5) «Аграрные реформы» и «русские крестьяне»: отечественная история и ее фальсификации.

Предлагаем вашему вниманию первую часть сокращенной версии выступлений участников круглого стола. Вторая часть будет опубликована в следующем номере журнала.

А.О. Лапшин. Уважаемые участники! Позвольте начать работу круглого стола. Директор Института социологии РАН М.К. Горшков просил передать слова приветствия и пожелал нам успешной работы. В свою очередь, хочу поблагодарить его за возможность проведения наших мероприятий в конференц-зале института. Судьба крестьянства — одна из самых трагических страниц нашей истории. В чем причина этой трагедии? Я хотел бы, чтобы каждый попытался ответить на этот непростой вопрос. На мой взгляд, крестьянский вопрос — это комплексная проблема, которую необходимо решать хотя бы для того, чтобы оставаться нацией, которая сама себя кормит.

О.Г. Буховец. Прежде всего, хочу выразить признательность А.О. Лапшину, П.П. Марчене и С.Ю. Разину за организацию прошлогоднего и нынешнего круглых столов. Публикация материалов предыдущего стола в том объеме, в каком они опубликованы в журнале «Власть», — это невиданная щедрость, которая свидетельствует о многом. А сейчас я предоставляю слово для приветствия ведущему нашего первого круглого стола «Народ и власть в российской смуте» В.П. Булдакову.

В.П. Булдаков. Рад, что наш круглый стол имеет место. Надеюсь, нам удастся плодотворно поговорить о проблемах крестьянства и крестьяноведения. Сегодня часто можно слышать, что крестьянства больше нет. Это так, и в то же время — не так. Фактически того крестьянства, которое было в начале XX в., уже нет. Но что касается крестьянской ментальности, то она присутствует и сегодня. Вся уходящая историческая натура незримо присутствует в нас и в значительной мере опре-

деляет современность. Мне бы хотелось, чтобы сегодня эти моменты прозвучали.

П.П. Марченя. От имени организаторов стола рад приветствовать его участников. Приятно видеть, что многие приходят к нам не впервые. Когда в рамках нашего проекта мы проводили первый стол «Народ и власть в российской смуте», то исходили из того, что это центральная проблема россияведения. Как человек познается на самом деле только в критической ситуации, «у бездны на краю», так и целые страны и цивилизации познаются реально в ситуации системного кризиса. Нам кажется логичным, что наш второй стол посвящен проблеме, на которой завязаны все основные конфликты русской истории. «Крестьянский вопрос» в отечественном историческом дискурсе по праву занимает место «вопроса вопросов». В нем сплелись в гордиев узел интересы самых разных массовых слоев российского общества, особенности их менталитета и предрасположенность к покорному смирению перед властью в известных пределах и активным протестным действиям в условиях «смутного времени», когда эти пределы оказываются нарушенными. Мы исходим из того, что крестьянство не может быть понято как пассивный объект манипуляций со стороны власти и «несознательный» источник пополнения социальной базы различных «сознательных» политических сил. В социальных конфликтах и в Российской, и в Советской империях крестьянская ментальность всегда играла колоссальную роль, в отличие от крайне ограниченных возможностей элитарного воздействия на настроения и поведение крестьянских масс извне. Крестьянство в российской истории определяло ее важнейшие особенности в целом и оказывало влияние на элиты большее, чем элиты — на крестьянство. Крестьянский вопрос в России — всегда вопрос о власти. О власти «своей» — за которой можно самоотреченно идти на подвиг и от которой многое можно самопожертвенно стерпеть. Или о власти «чужой» — против которой нужно «всем миром» решительно браться за вилы и топоры до полного изгнания «временщиков» и «самозванцев». И этот вопрос в истории государства Российского в конечном счете всегда решался крестьянством. В таком смысле крестьянский вопрос был и остается вопросом об органическом единстве власти и народа, государства и

общества, цивилизации и культуры, способном стать надежной основой для очередного модернизационного рывка, либо о противостественной расколотости и взаимном отчуждении элит и масс, чреватых срывом в очередную всероссийскую смуту.

Мы не хотели бы, чтобы в ходе нашей дискуссии крестьянский вопрос сводился только к аграрному вопросу. Крестьянский вопрос — вопрос о цивилизационной идентичности России, о живой связи ее прошлого, настоящего и будущего. В нем аккумулированы и столкновение традиции и модерна, и столкновение империи и не-империи (либеральной «демократии»), и все системообразующие вопросы, на которых строится проективное россиеведение. От ответа на вопрос: «Какие они, русские крестьяне?» зависит ответ на вопрос: «Что такое Россия?».

О.Г. Буховец. Большую часть XX в. крестьянство доминировало в социальной структуре Российской империи, а затем и Советского Союза. Российский XX век — век крестьянский. И одновременно — это век модернизаций, включавших индустриализацию, урбанизацию, культурную и демографическую революции. История показала примеры разных уровней модернизационных трансформаций, как в западной версии модернизации, так и в советской версии, которую я бы назвал альтермодернизацией. До сих пор нет ответа на вопрос: как, казалось бы, «крестьяноборческая» советская власть устояла в крестьянской стране? И при этом пользовалась определенной поддержкой крестьянства? В то же время в таких аграрных странах, как Венгрия, Бавария, Словакия, из-за отсутствия поддержки крестьянства революции провалились.

XIX—XX вв. — эпоха образования национальных государств. В некоторых случаях крестьянский характер нации препятствовал усилению национальной идентичности. Это характерно и для Российской империи. Даже такие этносы, как латыши, эстонцы и литовцы, из-за крестьянственности, отсутствия образованного класса и высокой культуры отставали в процессе складывания современных наций по сравнению с этносами Германской и Австро-Венгерской империй. Национальная политика советского государства создала современные нации из неграмотных клановых обществ. Думаю, что при сохране-

нии Российской империи русификация белорусов и украинцев была неизбежной. Особо хочу сказать о судьбе белорусского крестьянства. В послевоенный период крестьянство стало основным источником получения финансовых средств, необходимых для восстановления промышленности Белоруссии. В 1944—45 гг. из общего объема госинвестиций, выделенных на восстановление разрушенного войной хозяйства, на город приходилось 96%, а на сельскую местность — только 4%. При отсутствии всего фабричного, в условиях оккупации и при страшной дороговизне возобновилось домотканое производство и плетение лаптей. Советская власть в освобожденной Белоруссии первое время вела себя достаточно разумно. Практически все колхозы к весне 1945 г. в Восточной Белоруссии были восстановлены, а из 1 115 колхозов, созданных до войны, в Западной Белоруссии были восстановлены 132. Политика в отношении крестьянства не сводилась к какой-то одной модели. В ряде районов были случаи, когда крестьяне сами восстанавливали колхозы. Почему? Потому, что тогда можно было использовать те преференции, которые давала советская власть. Этот пример является наглядным подтверждением неужитожаемости крестьянства, коренящейся, по Т. Шанину, в эксплоярном характере его экономической деятельности.

Именно поэтому у меня нет пессимизма и по поводу судьбы современного белорусского крестьянства. Как не относиться, например, к программе белорусского руководства по созданию агрогородков, но это попытка обеспечить точки роста и не позволить процессу раскрестьянивания обрести необратимый характер. Надеюсь, что белорусский опыт окажется небесполезным и для России.

А.Н. Медушевский. «Аграрный вопрос» — теоретическая конструкция, выражающая кризис традиционного общества в условиях модернизации. В советской историографии его содержание в широком смысле усматривалось в классовом конфликте по поводу земельной собственности и связанной с этим социальной борьбе. В узком смысле — сводилось к вопросу о методах устранения докапиталистических отношений в сельском хозяйстве. Решение виделось в экспроприации земельной собственности с последующим ее переделом или национализацией.

Сегодня наметился отход от этой позиции, однако поиск новых подходов ведется, как правило, с использованием привычных категорий политэкономии и классовой теории. Но возможна другая, выдвинутая нами интерпретация аграрного вопроса — как осознание обществом легитимности прав на землю. Там, где осознается несправедливость распределения земельных ресурсов, аграрный вопрос существует. Там, где такое осознание отсутствует, — его нет. В рамках такого подхода появилась возможность ответить на вопросы: почему аграрный вопрос проявился только в Новое время? Почему одна и та же программа его решения на одном этапе истории отвергается, а на другом становится востребованной и реализуется практически? Почему использование одной программы дает неодинаковый результат в разных странах при сходстве их аграрных институтов или, наоборот, почему один и тот же результат возникает независимо от различия исходных условий? Почему одни страны были ввергнуты в пучину аграрной революции, а другие решили эту проблему путем реформ? В науке представлены идеи распределительной справедливости (равенства возможностей), легалистской справедливости (приоритета норм позитивного права по сравнению с нравственными) и комбинирования позитивного права и традиций правосознания. Последняя концепция выводит проблему на уровень взаимодействия права, этических представлений общества и исторической традиции. Центральной проблемой является легитимность форм землевладения и землепользования. Она определяется порядком распределения, способами приобретения и средствами защиты. Представления общества о справедливом порядке во многом определяют статусом права собственности в общественном сознании. Другое измерение легитимности — историческое обоснование прав на землю. Третье — способы защиты права собственности. Оно выявляет ситуацию правового дуализма, в пореформенной России получившую различные интерпретации: одни исследователи полагали, что существуют две конкурентоспособные правовые системы; другие — что эти системы неравноценны и следует говорить скорее о соотношении писаного и обычного права; третьи — что имеет место противоречие позитивного права и факта.

Исходя из этого, выдвигались 3 концепции разрешения аграрного вопроса — революционно-популистская, формально-юридическая и практически-государственная. Последняя получила обоснование в концепции аграрной реформы С.Ю. Витте и П.А. Столыпина. Но в условиях сохранения помещичьей и государственной собственности на землю эта реформа фиксировала сложившийся порядок распределения земли и сталкивалась с сохранением конфликта двух фундаментальных прав — свободы и равенства. Выход из этого противоречия возможен по линии проведения таких аграрных реформ, которые ставят целью полноценную правовую модернизацию традиционного общества, сохраняя внимание к исторически сформировавшимся представлениям о справедливости.

В.В. Кондрашин. В силу особенностей отечественной индустриальной модернизации деревня оказалась ее заложницей и важнейшим источником ресурсов, но во многом определила ее специфику и результаты. Об этом свидетельствуют материалы международных проектов по аграрной истории, осуществленных под руководством В.П. Данилова. Мне посчастливилось участвовать в них в качестве составителя и редактора ряда документальных сборников. Основная их идея, конкретизированная в многочисленных трудах историков, заключается в тезисе об активной самостоятельной роли крестьянства. Сутью крестьянской революции был протест против предложенного самодержавием варианта модернизации при опоре на сильных за счет слабых. «Слабых» оказалось много, они не смирились и смели «сильных», а вместе с ними и власть, пытавшуюся на них опереться. Не большевики, эсеры или анархисты «вели крестьян». Они лишь придавали их активности более организованные формы. Именно позиция крестьянства предопределила исход Гражданской войны. Большевики победили потому, что в критические периоды противостояния Красной и Белой армий крестьяне поддержали их. После устранения «белой опасности» советская деревня была охвачена массовыми восстаниями против «военно-коммунистической» политики. Парадокс в том, что, жестоко подавив крестьянскую войну, большевики дали крестьянам то, ради чего она велась. По Земельному кодексу РСФСР 1922 г.

крестьяне получили в бессрочное пользование землю и право свободного хозяйствования на ней. Продразверстка была отменена, свободная торговля и рынок разрешены. Но итогом участия крестьян в Гражданской войне и победы в ней большевиков стала, как подметил М. Левин, «архаизация деревни». Все рыночные достижения, связанные со столыпинской реформой, были ликвидированы. В то же время проблема индустриальной модернизации осталась. Более того, ее необходимость становилась все более очевидной в условиях назревания очередной мировой войны. Коллективизация стала очередной попыткой власти заставить деревню принести себя в жертву интересам государства. Это подтверждают и документы первого тома серии международного проекта Федерального архивного агентства РФ «Голод в СССР. 1929–1934 гг.». Нами осуществляется его научное руководство. Наш взгляд, главный вопрос в том, почему вариант индустриальной модернизации самодержавия не удался, а сталинский вариант, со всеми его ужасами, прошел? В крестьянской стране победила антикрестьянская политика, основанная на насилии над крестьянством. Эта тема нуждается в дальнейшем изучении. По итогам конференции «История сталинизма» опубликована, в частности, статья японского историка Х. Окуды, обратившегося к проблеме социальной базы сталинизма. По его мнению, разделяемому нами, это была молодежь, воспитанная советской властью, ориентированная на новую жизнь и карьеру в рамках «нового курса». Советская деревня была «молодой». По переписи 1926 г. 60% ее составляли люди моложе 30 лет. У власти были исполнители ее антикрестьянской политики в крестьянской стране.

Итог взаимодействия власти и крестьянства в России на протяжении последнего столетия крайне негативен. Нет современного сельского хозяйства, способного прокормить страну, обеспечить ее продовольственную безопасность. Нет и подлинного хозяина на земле. И причины такого печального результата предстоит серьезно проанализировать.

С.В. Алексеев. Устоявшимся тезисом отечественной науки является исключительная по силе дестабилизирующая роль нерешенного крестьянского вопроса в истории России. Сегодня в историографии

он позиционирован как главный вопрос российской истории, вызывавший все серьезные социально-политические кризисы. В своем выступлении я сопоставляю ситуацию в России с синхронной ситуацией в Англии и Франции. Для анализа берутся наиболее острые внутренние конфликты 3 государств, относящиеся к XV–XX вв. В России крестьянский фактор сыграл исключительную роль в 9 из 21 случаев (42,8%). Внутренние войны, возникшие в связи с земельным вопросом, оказывались наиболее затяжными и ожесточенными. К XX в. роль крестьянского фактора нарастает. Главной причиной 4 крупнейших конфликтов первой половины XX в. был именно аграрный вопрос. Британскую историю, напротив, отличает крайне малая роль крестьянства во внутренних конфликтах. Крестьянские восстания XV–XIX вв. в основном носили локальный и скоротечный характер. Это обусловлено ранней индустриализацией и предшествующей мануфактуризацией. Из общего числа последних за рассматриваемый период (10) только 1 движение носит характер действительно крестьянской войны. Что касается Франции, то в 6 внутренних войнах из 21 (28,5%) крестьянский вопрос сыграл существенную роль. Значение его уменьшается в XIX в. противоположно российской тенденции. Таким образом, крестьянский фактор в российских конфликтах действительно более значим, чем в ведущих государствах Западной Европы. Это связано с драматическими особенностями избранного страной пути построения индустриального общества.

Н.А. Ивницкий. Крестьянство консервативно. Его отношение к новшествам менялось тогда, когда оно на собственном опыте убеждалось в их преимуществах. Поэтому крестьянство поддержало аграрные преобразования советской власти в 1917–18 гг. Политика «военного коммунизма» привела к резкому изменению его отношения к власти. Но переход к нэпу вновь привлек крестьянство на сторону власти. Однако стоило ей в 1928–29 гг. перейти к административно-репрессивным мерам, как оно вновь отвернулось от нее. В 1928 г., по данным ОГПУ, в деревне произошло более 1 000 террористических актов, в 1929 – свыше 9 тыс., а в 1930 – около 14 тыс. Значительно возросло и количество массовых крестьян-

ских выступлений: в 1928 г. — 709, в 1929 — 1307, в которых приняло участие около 300 тыс. чел. Насильственная «сплошная коллективизация» привела страну на грань гражданской войны. В 1930 г. в СССР произошло 13 756 массовых выступлений, в которых приняло участие около 3,5 млн чел. Антикрестьянская политика привела к разрушению сельского хозяйства, разорению деревни и голоду 1932—33 гг., в результате которого погибло не менее 7 млн чел. Такова цена сталинской аграрной «революции сверху».

А.В. Гордон. Новое освещение проблематики власти в крестьянской России связано с преодолением установок либеральной и марксистской мысли, согласно которым крестьянство — объект исторического прогресса, исходящего из города и направляемого государством. Формирование крестьяноведения в 60-е гг. прошлого века, напротив, определялось насущной потребностью в понимании крестьянства как исторического субъекта. Это предполагает разработку аграрной проблематики через призму изменений в хозяйствовании, социальной организации и — самое сложное — в крестьянском сознании.

Очевидна роль крестьян в экономическом подъеме пореформенной России. Сдвинув аграрную экономику с фатальной черты «сам-третий», оно создало основу для преодоления циклических голодовок и промышленного роста. Для сельскохозяйственного рывка потребовались изменения в крестьянском сознании. Потребовалось, чтобы крестьянин почувствовал свою хозяйственную самостоятельность. Ликвидация крепостничества сделала крестьянина «рациональным агентом» в категориях классической политэкономии и здравого смысла. Ослабло то сопротивление крестьян прогрессу, которое классической литературой было положено в основу крестьянской психологии. Стал развиваться процесс разложения общины. Столыпинская реформа отвечала потребностям модернизации. Она расчищала дорогу интенсивному хозяйствованию, но обостряла внутридеревенские противоречия. Деревня пошла по пути ликвидации помещичьего землевладения на основе восстановления «общинного права». Упразднение частной собственности на землю сделало деревню юридически и нравственно беззащитной перед натиском диктатуры, которая мак-

симально использовала внутриобщинные противоречия для истребления преуспевающего хозяйственного слоя и насаждения «государственного коллективизма». Коллективизация начиналась как хлебозаготовительная кампания, и это «родимое пятно» осталось ее главной чертой на десятилетия. Колхозы были инструментом госуправления деревней. К 80-м гг. сложился уникальный тип сельхозпроизводителя. С одной стороны, сельчане познали преимущества 8-часового рабочего дня и гарантированного денежного дохода, их материальное благосостояние улучшалось. С другой — отчуждение от земли оборачивалось отсутствием мотивации в успехе «своего» предприятия. Строительство агрогородов разрушало веками сложившийся социум. С упадком семейного хозяйства распалась сельская семья; деревня превращалась в пристанище старых, немощных и одиноких. Инвестиции серьезного эффекта не давали и даже имели негативные последствия, обернувшись иждивенчеством. Зависимость деревни от власти все более возрастала. База для рыночных преобразований в деревне в итоге оказалась слабой. Но и она не была использована в 90-х. Власть свернула аграрные преобразования и вернулась к государственной «поддержке» аграрного сектора. Обманув надежды фермерского движения, постсоветские руководители не добились лояльности консервативных сил, опиравшихся на крупные хозяйства советского типа. Возник «красный пояс», охватывающий самые плодородные районы. К 2000-м гг. восстановился статус-кво в виде соединения разного рода «крупхозов» с семейными наделами. Ставка на агрохолдинги очевидна, и перспектива квазизакрепощения сельского населения выглядит реальной. В то же время альтернативы этому процессу пока не видно.

И.Е. Кознова. В XX в. актуализация прошлого опыта у крестьянства происходила с учетом его отношений с властью. На все события своей истории крестьянство смотрит с позиций этих отношений. Крестьянскому восприятию власти свойственны присутствие апокалипсических настроений, прогнозируемость новых «укусов-ударов» власти и традиционная готовность быть в стороне от власти (какая бы власть ни была, «нам, крестьянам, все равно пахать»). Крестьянская история — это жизнь

сообщества, тонус и хронология которого держится на привычном: «сеем, пашем, страдаем». Наиболее сильна память о собственном умении выжить, которое предполагает прагматический подход к власти. Не случайно ностальгия современной деревни по 1960–80-м гг., когда «власть сама жила, и давала жить другим». Изменения содержания и характера крестьянской памяти связаны с серьезными поколенческими и гендерными изменениями в XX в. Крестьянство прошло путь от активных действий к пассивной адаптации.

Ю.А. Васильев. В историческом сознании общества существует феномен забвения. Повседневная жизнь имеет собственную историю, и эта история оказывает серьезное влияние на коллективную идентичность. Однако даже специалисты иногда «забывают» о том, что имело решающее значение в прошлом. История побуждает нас признавать значение тех аспектов прошлого, на которые прежде не обращали внимания. Примером может служить выяснение причинно-следственных связей военного коммунизма и Гражданской войны. Политика военного коммунизма воспроизводила протестные явления на всей территории страны. Формировалось обличительное восприятие крестьянских восстаний того времени: антоновщина, махновщина, мироновщина, сапожковщина, серовщина и др. Сегодня вполне уместно употребление приведенных терминов в качестве знаковых феноменов, обозначающих реальные социальные явления прошлого.

Забвение может проявляться, когда появляются основания забыть о тех или иных сторонах прошлого, например, когда память о них оказывается слишком болезненной, чтобы включить их в коллективное сознание. Отмечается парадокс одновременно забытого и сохраняющегося в памяти травматического опыта. О последнем забывают, поскольку его стараются вытеснить из сознательной памяти. Однако о нем помнят, поскольку оставлены слишком серьезные духовные раны. Травматический опыт приспосабливается к идентичности, как и новая идентичность приспосабливается к травматическому опыту. В такой ситуации происходит примирение опыта и идентичности, создающее условия для их продолжительного сосуществования. Травматический опыт Гражданской войны проявился в

изменении идентичности российской нации и народа. Если мы хотим постичь их идентичность, то следует обратиться к их истории. Вхождение в новый мир после 1917 г. означало отказ от прежнего мира. Подобные травматические исторические преобразования всегда сопровождаются в крестьянстве ощущениями тяжелой потери и безнадежной дезориентации. Травму подобного рода социальная группа будет всегда носить с собой. Новая идентичность конституируется травмой от потери прежней идентичности. Коллективная идентичность современного российского общества представляет собой совокупность шрамов в коллективной российской душе, оставленных вынужденным отказом от прежней идентичности.

Н.Л. Рогалина. Коллективизация положила начало раскрестьяниванию. Раскулачивание предстает как обязательное условие сплошной коллективизации, оно было первичным, опережавшим коллективизацию процессом, стимулировало ее и выступало как последний аргумент устрашения единоличников. Результатом было разрушение производительных сил, 50-процентное падение уровня сельхозпроизводства, голод 1932–33 гг., крестьянское беженство и самоликвидация сотен тысяч хозяйств. Исследователи отмечают крестьянский след в политике «большого террора». Другим способом раскрестьянивания явилось огосударствление колхозов. Из них безвозмездно выкачивалась продукция в виде обязательных поставок и натуроплаты за услуги МТС и т.д. Колхозы выступали как своеобразные источники живого труда. Утвердилась мобилизационная модель экономики. Раскрестьянивание явилось главным событием отечественной истории XX в. Новое лицо страны и народа определила гибель деревни.

Е.В. Михайлова. Коллективизацию необходимо рассматривать в связи с индустриализацией. Деревня являлась основным поставщиком рабсилы для строительной индустрии. Параллельно коллективизации претерпевали эволюцию формы набора крестьян на стройки: от самотека — к организованному набору. Этот переход был объективной необходимостью. В годы первой пятилетки организованное привлечение впервые развертывается в массовом масштабе. Рост численности строителей подвергался колебаниям, связанным с сезоннос-

тью строительства и с проявлением негативных сторон административно-командной системы управления экономикой. В условиях форсированного строительства люди с их потребностями неизбежно отодвигались на второй план. Резкое увеличение притока рабочих, не подкрепленное строительством жилья и объектов социального назначения, вело к ухудшению их уровня жизни. Успехи в области строительства в годы первой пятилетки были достигнуты за счет высочайшего напряжения сил строительных рабочих, являвшихся крестьянами-отходниками. Без новых рабочих, пришедших из деревни, форсированное строительство было невозможно.

В.А. Бондарев. Хочу вернуться к вопросу об окрестьянивании и раскрестьянивании. В XX в. произошла утрата крестьянства как социального слоя. По определению Т. Шанина, крестьяне – мелкие производители, которые трудом своих семей производят продукцию для себя и удовлетворения притязаний власти. Сегодня исчез этот класс. Крестьянственность осталась, а крестьянства нет. Масса населения, мигрировавшая из деревни в город, в нем растворилась. В городе общинность не поддерживается. Раскрестьянивание произошло, а окрестьянивание – нет. Сейчас никому не интересна аграрная история. Это само по себе очень страшно. Страшно не только потому, что мы отрываемся от своей почвы, от истоков и корней. Народ, который свою землю не прочувствует, не будет ею владеть. Я также хотел бы поделиться своими сомнениями, касающимися вопроса об оправданности коллективизации. В 90-е гг. мы охаивали советское прошлое, а теперь мы его оправдываем. Когда сегодня некоторые историки говорят о том, что коллективизация исторически оправданна, мне кажется, что это тоже страшно. Я считаю, что модернизация была оправданна, а коллективизация – нет.

О.Г. Буховец. Два слова об окрестьянивании. Мне кажется, что имеет место разная скорость протекания исторических процессов. То, что связано с менталитетом, имеет наибольшую инерционную силу. Мы должны иметь в виду, что бывший колхозник, переселившийся в город, переносил крестьянскую витальность на свои 7 соток. Вместе с тем он вырывался из общинного микрокосма и включался в общенациональный макрокосм, проходил переналадку на городского жителя, вклю-

чаясь в процесс культурной модернизации. Конечно, этот процесс шел не быстро, но он был подобен автомобилю, у которого нет заднего хода. Безусловно, советская модель модернизации имела и здесь свои особенности, но в целом она не нарушала общего направления модернизационных процессов, проходивших в XX в.

В.Н. Пискун. Важнейшей вехой в истории российского крестьянства является отмена крепостного права. Она дала толчок модернизации и изменила сознание крестьянина, укрепив в нем чувство собственника. Эту линию продолжила столыпинская реформа. В России из общины на хутора вышло 24,5% крестьян, на юге Украины – 34,5%, на Правобережье Украины – более 50%. К 1917 г. 2/3 земель, пригодных для земледелия, находились в руках крестьянства. Самый бедный крестьянин на Украине в 1917 г. – это крестьянин-собственник, имевший до 5 десятин земли. Крестьянство хотело земли! Я хотела бы спросить у историков-аграриев, каково было перед Февралем 1917 г. соотношение земли, находившейся во владении у крестьян, к земле, находившейся у них в собственности?

Здесь уже рассматривали вопрос о целесообразности коллективизации. Она была нужна для большевистской власти. Необходимо иметь в виду, что в экономических взаимоотношениях деревни и города, промышленности и сельского хозяйства важны были ножницы цен – они давали возможность выкачивать из деревни прибавочный продукт, производимый крестьянином. Именно это порождало крестьянские восстания и в России, и на Украине.

А.П. Скорик. Применительно к частной собственности необходимо разделить 3 сюжета: владение, пользование и распоряжение. Вопрос о ментальном отношении крестьян к собственности очень сложен. Что же касается коллективизации, то ее результаты не могут быть расценены исключительно негативно (так же, как нельзя утверждать и то, что осуществлялась она вовсе без поддержки крестьянства, пусть и не такой широкой, как трубили об этом сталинские пропагандисты). На наш взгляд, форсированная коллективизация по основным характеристикам вполне может быть отождествлена со смутой. В пользу этого мнения свидетельствуют наличие ожесточенного

противостояния между властью и крестьянством, кризис аграрного производства, крушение традиционного уклада в ходе «великого перелома», полученная хлеборобами социально-психологическая травма, значительный отток населения из деревни, голод 1932–33 гг. и пр. Оценивая последствия смуты сталинских времен, можно утверждать, что они чрезвычайно были тяжелы для российской деревни и сказываются по сей день.

Д.И. Люкшин. В.Н. Пискун просила уточнить соотношение общинных земель и земель, находящихся в частной собственности крестьянских хозяйств. Не берусь говорить о всей России, скажу лишь о Поволжье. В 1915 г. в собственности крестьян находилось около 3% земли, а в пересчете на общинное землевладение эта цифра составит около 9%. Что касается нашей дискуссии в целом, то в ней доминирует подход, в рамках которого крестьянство и власть рассматриваются в качестве равнодействующих субъектов. Такого никогда не было. Крестьянство воспринималось властью исключительно как объект для манипуляций. Это отчетливо проявилось в наших аграрных реформах. В 1861 г. государство только что проиграло Крымскую войну и ему срочно нужны были деньги. Взять деньги у дворянства оно не решалось. Царская семья делиться не хотела. Единственный источник ресурсов — крестьянство. Поэтому решили: давайте продадим ему землю и деньги пустим на модернизацию армии и флота. Другой пример — столыпинская реформа. Необходимо было найти 500 млн руб. для модернизации армии и флота. Существовало 2 источника — либо за рубежом, либо у крестьянства. За рубежом брать не хотелось. Призвали Столыпина и возложили на него почетную обязанность запустить руку государства еще раз в карман крестьянства. Как заметил в свое время мой научный руководитель и коллега В.М. Бухараев, самое страшное в жизни крестьянина — это когда государство поворачивается к нему лицом. Тогда оно начинает задавать вопросы: «А что ты делаешь? А сколько у тебя денег? А не хочешь ли ты нам их отдать?» Из этого следует исходить при анализе крестьянской культуры — это стратегия «сопротивления слабым». Крестьянство все время действует в ситуации, когда выигрыш заведомо невозможен, а проигрыш озна-

чает смерть. Что касается государства, то оно хочет получить свое и сохранить производителей. Государство вынуждено, грабя крестьян, предоставлять им какие-то возможности для того, чтобы они получали больше. Проблема взаимоотношений власти и крестьянства заключается в том, что власть предлагает унифицированный подход к сугубо индивидуальным хозяйствам. Анализировать ситуацию в целом по стране сложно. Ее необходимо анализировать по регионам.

Е.В. Каменецкая. В предыдущих выступлениях основное внимание уделено районам Поволжья, Кавказа. История крестьянства Русского Севера в советский период имела свои особенности. Рассмотрю их на основе Буйского района Костромской обл. Здесь не было того страшного голода, который в 30-е гг. коснулся зерновых районов СССР. Процесс создания колхозов здесь не был столь трагическим. Перед Великой Отечественной войной колхозы стали не только надежным источником ресурсов для государства, но и обеспечивали приличный по местным меркам уровень жизни. Война и послевоенные годы сказались на численности, здоровье, половозрастном составе сельских жителей. Последствия ее для крестьян не менее трагичны, чем коллективизация. Реформы Н.С. Хрущева также нанесли серьезный удар. Стали исчезать деревни с личными приусадебными хозяйствами. Этот процесс в сочетании с другими факторами и «реформами» привел к запустению Европейской части Русского Севера. Крестьянство России за XX в. вынесло 1917-й, две мировые войны, гражданскую войну, коллективизацию и все же пыталось самосохраниться. С уходом поколений, еще хранивших память о предках-крестьянах, вопрос о сохранении крестьянства представляется проблематичным. «Любовь к земле» надо возрождать, чтобы жители городов испытывали зависть к сельским жителям, а не острую жалость, которую вызывают большинство русских сел.

В.Т. Логинов. Проблема «власть и крестьянство» имеет политический аспект. Здесь в негативном смысле упоминался Ленин. Но он никогда не смотрел на крестьянство как на глину, из которой «реформаторы» могут лепить все, что им заблагорассудится. В 1922 г. он высказал принципиальное суждение: либо 10–20 лет правильных отношений с крестьянс-

твом, выражающих чаяния самого крестьянства, либо 20 лет самого жесточайшего террора. А как же еще могут управлять страной те, кто игнорирует волю подавляющего большинства населения? У проблемы «власть и крестьянство» есть и экономическая подоплека – неэквивалентный обмен между городом и деревней. Русский мужик ходил в лаптях потому, что за сапоги надо было отдать чуть ли не телегу зерна. Так было и позднее. Помните, как после сентябрьского 1953 г. пленума ЦК КПСС сельхозпроизводство пошло вверх? Но принятое в 1958 г. решение, согласно которому на колхозы повесили стоимость сельхозтехники ликвидируемых МТС, подорвало финансовую базу хозяйств.

Не помню, кто придумал пошлейшую формулу: «история не знает сослагательного наклонения». Вероятно, ее придумали для того, чтобы во все времена оправдывать действия власти. При наличии общих закономерностей история вся состоит из «точек бифуркации» и альтернатив. Была ли альтернатива сталинской коллективизации? Была. Это – «строй цивилизованных кооператоров», о котором писал Ленин. После В.В. Кабанова историки писали об этом мало.

С большим удивлением выслушала здесь хвалебные оды частной собственности на землю. Русское крестьянство никогда не требовало этого. «Земля Божья, а мы у Господа – арендаторы», – вот лозунг русского крестьянства. Потому-то и приняло оно и национализацию, и социализацию земли. Да и на Западе нынче времена изменились. Доля земли, находящейся в частной собственности, непрерывно сокращается и в Европе, и в Америке.

А.А. Ильхов. Наша историография традиционно рассматривает разные экономические явления через призму октябрьского Рубикона. С точки зрения политической это, скорее всего, верно, но только не для экономики. Это подтверждает история крестьянского кооперативного движения, зародившегося в начале XX в. и получившего после революции новый импульс. Чудеса экономической и социальной мимикрии крестьянского кооператива я увидел на примере Покровского сельхозтоварищества Гжатского уезда Смоленской губернии. Его история служит иллюстрацией возможностей крестьянской кооперации.

Местные крестьяне создали кооператив, который можно назвать «кооперативным концерном». Начав с кредитивных операций, они освоили практически все виды хозяйственной деятельности – снабжение сельхозмашинами и приспособлениями по обработке сырья, закупку и продажу всего, что производят крестьяне, оказание помощи крестьянским хозяйствам буквально по всему спектру их деятельности. Вот модель развития настоящей кооперации. Такая кооперация действительно обеспечивала прогресс. Прав был Ленин, делая ставку на свободную кооперацию. Кооперирование крестьян по образцу Покровского товарищества было возможно. Но это была не та кооперация, которая была нужна сталинскому руководству. Мы получили колхозы.

Л.И. Бородин. Судьбы крестьянства в России XX в. во многом определились «великим переломом» 20-х гг. Вопрос, был ли он неизбежен, оказался в центре дискуссий историков уже в 80-х гг. Важный их аспект связан с вопросом о характере дифференциации крестьянских дворов в доколхозной советской деревне. В наших с М.А. Свищевым публикациях 90-х гг. мы использовали имитационное моделирование для оценки тезиса о неизбежности в условиях рыночной экономики расслоения сельского населения, который интенсивно обсуждался руководством ВКП(б) в ходе формирования курса на коллективизацию. В развитие исследований по компьютерному моделированию социальной динамики в среде крестьянства мы ввели ряд «сценариев» альтернативного варианта процесса дифференциации деревни до решения о «великом переломе». Сложная картина расслоения деревни возникла в результате следующих процессов:

- 1) экономический потенциал крестьянских дворов непрерывно изменялся;
- 2) часть хозяйств претерпевала «органические изменения», вызванные как демографическими, так и социальными причинами;
- 3) происходило переселение крестьян, что также влияло на численность групп.

С помощью математической модели можно дать ретропрогноз социальной структуры в интервале в несколько лет. При настройке параметров компьютерной модели по материалам источника определялось, какая доля хозяйств в каждой из групп претерпела то или иное

«органическое изменение». Определение процентных соотношений для каждой группы давало необходимые параметры моделирования. Ведя расчеты как для стабильных, так и для претерпевших изменения хозяйств, можно дать ретропрогноз общей численности дворов и их числа в каждой из групп. Программа, реализующая итерационный алгоритм, позволила сделать расчеты динамики социальной структуры крестьянства за 10 лет (1925–34 гг.). Анализ ретропрогнозов показывает, что не было ни одного крупного региона, в котором бы интенсивно шел процесс дифференциации крестьянства. Даже относительно длительное сохранение условий, характерных для нэпа, не могло привести к углублению расслоения деревни. Эти результаты заставляют по-иному взглянуть на положение, согласно которому неизбежным следствием существования рынка является дифференциация и даже поляризация мелких товаропроизводителей. Но не следует забывать, что нэп в аграрном секторе не создал реального рынка. Это был квазирынок. Продолжение нэпа не привело бы ни к взрывному росту аграрной экономики, ни к хозяйственному хаосу и социальным катаклизмам в деревне.

Н.В. Липатова. Как известно, одной из задач советской власти было создание нового человека. Традиционность среды диктовала и традиционность методов. Пытаясь создать нового человека, власть хотела выделить особую группу из среды крестьянства, которая со временем изменила бы всех крестьян. На селе одним из таких парников, где должны были выращивать нового крестьянина, стали коммуны. Однако эксперимент с созда-

нием нового крестьянина не получился. Коммуны не оправдали себя. Крепкие хозяйства не входили в состав коммун. Власть свернула эксперименты по созданию нового крестьянина. В конце 20-х гг. первоочередной задачей власти было не создание нового человека, а создание индустриальной державы.

М.М. Фрянцев. Хочу коснуться вопроса о судьбе сельских школ. На протяжении последних 20 лет сельская школа умирает. Проблемы, связанные с сокращением сельского населения, возникли давно. Однако в 70–80-х гг. их пытались решать. В 90-е гг. омертвление села пошло ускоренными темпами. Тогда исчезло почти 35 тыс. деревень. С 1990 по 2001 гг. исчезло 3 400 сельских школ. С 2001 по 2010 гг. прекратили существование еще 9 тыс. школ. В современной России сельские школы составляют более 60% от общего числа. В них обучаются почти 30% школьников. Велика доля школ, где учатся меньше 10 чел. По моим подсчетам, около 60–80% сельских школ – малокомплектные. С чисто экономической точки зрения содержание их нецелесообразно. Однако нельзя забывать, что за этими цифрами стоят судьбы живых людей. Из сложившейся ситуации может быть два выхода. Первый – комплексное решение проблем сельской школы с привлечением усилий федеральных министерств и региональных властей. Второй – ликвидация школ как экономически невыгодных объектов. Сегодня этот подход реализуется на практике. Закрытие школ ускоряет деградацию сельского населения. Но вспомним мудрую мысль: «Тот, кто закрывает школы, вскоре будет открывать новые тюрьмы».